

Аннет
Схан

Девочки
семь сказок

перевела Ирина Лейченко

Аннет Схап

Девочки. Семь сказок

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70013947

Девочки. Семь сказок / Аннет Схап, Перевод с нидерландского Ирины

Лейченко: Самокат; Москва; 2024

ISBN 978-5-00167-587-7

Аннотация

Реальные девочки хотят читать о реальной жизни, в которой есть и печаль, и боль, и одиночество, и ревность. Реальные девочки испытывают реальные чувства. Они падают, набивают синяки и шишки и снова встают, становясь старше и мудрее. Девочки уже не сказочные персонажи, а люди – из плоти и крови. Аннет Схап – известная голландская художница и писательница, автор сказочной повести «Лампёшка» – превратила семь классических сказок братьев Гримм и Шарля Перро в удивительные истории о семи девочках. Эти сказки, переложенные на современный лад, пронизаны глубоким психологизмом, и между строк можно найти больше скрытых смыслов, чем кажется на первый взгляд.

В 2021 году книга получила престижную литературную премию Нидерландов «Бронзовый грифель».

5 причин купить книгу «Девочки. Семь сказок»:

- Долгожданная вторая книга Аннет Схап, автора нидерландского бестселлера «Лампёшка»;
- Оригинальная интерпретация семи классических сказок братьев Гримм и Шарля Перро с главными героинями девочками;
- Эффект психотерапии во время чтения;
- Новое прочтение знакомых сказок – без морализаторства, но с глубоким психологизмом;
- Авторские иллюстрации, выполненные в необычной штриховой технике, дополняют каждую сказку.

Содержание

Господин Штильцхен	9
Золото	9
Солома	16
Кольцо	29
Ребенок	37
Волк	46
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Аннет Схап

Девочки. Семь сказок

Другим моим сестричкам – Фредрике, Йенни, Анне Мирьям, Труди, Детте, Яннеке, Пет, Инге, Юдит и Линн; Аннемике, Иветт, Сесиль и Мирьям Б.

*Если ты сердцем чудовище – встань! (...)
Если ты брошен и горем расколот;
Если твой спутник – мучительный голод;
В башне живешь ли, в тюрьме, во дворце,
Если сочувствия в каждом лице
Ищешь напрасно отчаянным взглядом —
Встань со мной рядом!¹*

Кэтрин М. Валенте

Annet Schaap
de Meisjes
zeven sprookjes

¹ Стихотворный перевод эпиграфа Елены Фельдман.

Em. Querido's Uitgeverij

Перевод с нидерландского Ирины Лейченко

Иллюстрации Аннет Схан

Nederlands
letterenfonds
dutch foundation
for literature

Книга издана при финансовой поддержке Нидерландского литературного фонда

Copyright text and illustrations © 2021 by Annet Schaap
Original title De Meisjes.

Zeven Sprookjes. First published in 2021 by Em Querido's Uitgeverij, Amsterdam

Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency & Associates

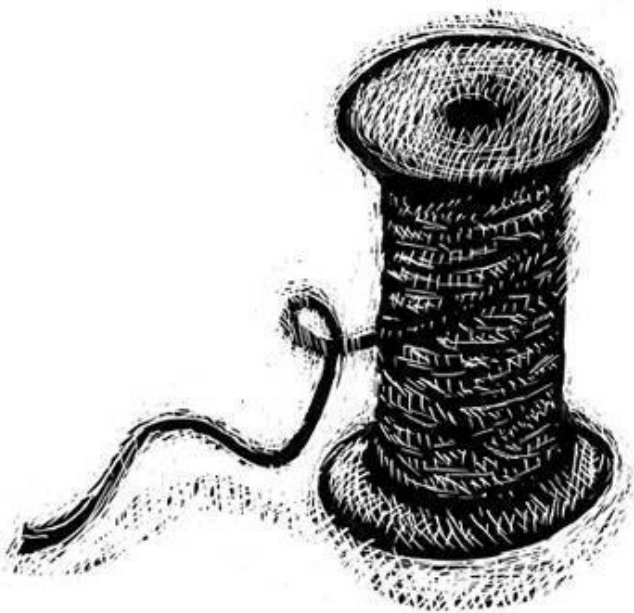

© И. Лейченко, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом «Самокат», 2024

Господин Штильцхен

Золото

Девочка сидит за пряжей в залитой солнцем комнате. День перевалил за середину, в окно струится мягкий свет,

и все хорошо. Картошка почищена, суп давно готов, а мама столько лет лежит в могиле, что девочка привыкла и уже почти не горюет. За стеной среди мешков с мукой насвистывает отец.

Ветер несет запах нагретой на солнце скошенной травы, теплой соломы.

«Однажды явится принц, – думает девочка (она часто об этом думает). – Явится издалека и заберет меня с собой. Его улыбка будет белоснежной, как его конь. Он усадит меня сзади, и мы помчимся галопом. Его теплые руки, его длинные волосы цвета соломы, цвета золота... Он никогда меня не отпустит, мужчина, которого я люблю».

На тропе у их дома мужчины показываются нечасто. Собственно, только отец, когда развозит муку. Мельница стоит на отшибе.

Но мечтать-то никто не запрещал, и сегодня ее Греза кажется реальной летнего дня. Вокруг пахнет любовью и соломой, вот-вот послышится стук копыт. Она чуть выпячивает губы, заранее, на всякий случай. В конце концов, девочке полагается быть готовой.

День такой мягкий, что можно просунуть сквозь него руки и легко дотронуться до того, что по ту сторону, и, не успеваешь она опомниться, а руки уже прядут из мыслей золотую нить. Вообще-то, у Грезы есть часть первая – Встреча, и часть вторая – Предложение, и третья – Помолвка! Она напрядет и побольше, дай только время: и Королевскую Сва-

дбу, и Медовый Месяц, и, наконец, Долго и Счастливо...
Нить вьется и вьется. Золото блестит на солнце.

Когда дело доходит до Брачной Ночи, приходит время варить картофель. Намотав нить на катушку, она встает, чтобы зажечь огонь.

– Это твоя работа? Правда?

Мельник смотрит на девочку, будто видит ее впервые. Она? Его бестолковая странноватая дочь? Которая вечно где-то витает, все забывает, неспособна рассказать ничего мало-мальски интересного... И она вдруг взяла и сотворила такое?

– Напряла, говоришь? Но как?

Она мямлит что-то в ответ. Добиться от нее связного рассказа с началом, серединой и концом удастся редко.

Он щупает нить мясистым пальцем. Тончайшая работа.

«Молодец!» – мог бы сказать мельник. Или: «Потрудилась на славу!» Но не такой он отец. Он скорее укажет на ошибку или изъян. Чтоб знала свое место.

– Картошка сыровата, – говорит он, запихивая в рот сразу две.

– Да, отец. – Она кивает и продолжает есть, как послушная дочь, которая ничего такого о себе не воображает.

Катушку с нитью он сунул в карман.

Там она и лежит, забытая, и вспоминает мельник о ней

только через неделю, когда привозит очередную партию муки в королевский дворец.

Вышедший ему навстречу долговязый мажордом хмуро рассматривает мешки.

Ох, вспоминает мельник. В прошлый раз в муке обнаружился червяк. Червячок. Один на целый мешок, ну разве это так страшно? Вкуса не испортит, это он по опыту знает. Но кого за это накажут? Кого всегда наказывают? Верно: его.

– Это твой последний шанс, – говорит верзила в красной ливрее. – Если что, найдем другого мельника. Не забыл?

Не забыл, ясное дело. Вот только мельницу он на этой неделе не запускал, так что мука в мешках, прямо скажем, та же, что и на прошлой. Он, конечно, мог бы ее просеять. О чем, конечно, должен был вспомнить. Но теперь-то что поделаешь?..

Мажордом достает из кармана золотое ситце с малюсенькими дырочками. А черви-то, за неделю налопавшись муки, не похудели.

«Думай! – Мельник обливается потом. – Шевели мозгами, найди выход!» Стараясь выглядеть поуверенней, он сует руки в карманы.

Пальцы нащупывают катушку.

– Кстати, э... Пит, – медленно говорит он.

– Пьер, – поправляет мажордом.

– Пьер, я тут подумал... У меня возможно, э-э-э... найдется кое-что, э-э-э...

Долговязый делает вид, будто ничего не слышал, и продолжает возиться с узлом на мешке.

– Кое-что н-н-необычное... э-э-э... – У мельника подмышки под рубахой слипаются от пота. – Настоящая у-у-удача. Дело в том, что...

Он мог бы и не пытаться. Сито вот-вот погрузится в клубок червей, в который наверняка превратилась мука. Раз-два – и мажордом развяжет узел. Три-четыре – и не видать бедному мельнику королевских денежек.

– Золото! – выпаливает мельник. – У меня есть для тебя золото!

Рука с ситом зависает.

– Золото?

– Да! Да! – Мельник кивает так, что еще чуть-чуть, и голова отвалится. – Настоящее золото. Много!

– И я должен в это поверить?

– Да! Смотри! Сейчас докажу! Смотри!

Дрожа, он достает из кармана катушку. Хотя, вообще-то, если разобраться, что он предлагает этому долговязому? Пару дней назад ему показалось, что это золото. Но настоящее золото... Ведь так не бывает, не могла же она его просто взять и напрясть, его дочь? Никто не смог бы.

Мажордом, прищурившись, разглядывает нить. Отматывает немного. Нюхает.

– У меня есть еще, – торопливо добавляет мельник. – Для тебя. Для твоего хозяина. Сколько захочешь!

– Ты что, клад нашел на своем бесплодном поле? – Взгляд у мажордома – насмешливей не бывает, но ситце возвращается во внутренний карман.

– Не клад. Э-э-э... м-м-моя... моя...

– Чего мычишь-то?

– Моя дочь. Моя девочка. Это она сделала.

– Твоя дочь?

– Моя прекрасная, любимая дочь, – вздыхает мельник.

Надо же, как он ее все-таки любит!

Король в двадцатый раз смотрит на маленькую катушку у себя в руке. Зажмуривается и думает: «Неужто? Неужто это настоящее золото? Как бы кстати оно пришлось!»

Разграблению всякого королевства есть предел. Прекрасная пава с роскошным оперением, какой была когда-то его страна, стала голой, как лягушка. Налоги, указы, штрафы за все подряд – что еще придумать правителю?

Взять в долг – да, и он это делал чаще, чем подсказывал здравый смысл. Но терпение кредиторов потихоньку иссякает.

А лишить себя тех вещей, которые ему так дороги: одежды, закусок, десертов, дворцовой обстановки – короче, всего образа жизни – было бы слишком, не правда ли? Ведь все это его награда за то, что он... Что он король. А король этот – ничего не поделаешь – привык к роскошному гардеробу, к ужинам с бесконечной сменой блюд и в особенности к тому,

что все эти вещи о нем говорят, — как он преуспел в жизни.

Поэтому никакую, даже самую завалящую, возможность пополнить казну упускать нельзя. Он в двадцать первый раз смотрит на катушку, которую принес ему мажордом. И кивает.

— Коня, сир?

— Коня, Пьер!

Солома

Другой день, совсем другой. Моросит дождь, облака висят низко, будто наступила осень.

Девочка сидит на том же стуле, но сегодня ей не мечта-ется. Отец ведет себя чудно, почему – непонятно. Зайдет в комнату, поглядит на нее, вернется на скамью у дома, и так все время. Девочка встает и направляется к задней двери. Он тут же бежит за ней.

– Куда собралась?

– Никуда.

– Сиди спокойно, – приказывает отец. – Никуда не ходи.

– Но пора кур кормить!

– Куры подождут. Сядь. Возьми попряди, что ли.

– Шерсть кончилась, – говорит она. – Уже давно.

– А из чего ты в прошлый раз... на прошлой неделе сви-ла... э-э-э... ту нить?

– Да из того, что под руку попало. Из пучка соломы.

– Ах, соломы... – Кивнув, отец в очередной раз бросает взгляд в окно.

Девочка не хочет показаться неблагодарной, но все же не так она себе это представляла.

Поначалу все шло в точности как надо. Она удивилась, когда в ее каморку вошла толпа мужчин в плащах с меховы-ми воротниками в сопровождении стражников в шлемах и

с длинными копьями. Удивилась, но, если честно, не слишком.

Она ведь знала, что однажды это случится. Правда, всегда представляла себе, что произойдет все на улице, что он почему-то будет одет как простолюдин, пастушок какой-нибудь, но она таки узнает его по прекрасным синим глазам, благородным чертам и властному тону, которым он обращается к овцам. И что, еще до того как он назовется королем, они тут же полюбят друг друга.

«Не соблаговолишь ли ты проследовать со мною во дворец?» – скажет он и так ласково глянет на нее – как тут отказать?

То, что перед ней король, она поняла сразу – по короне и горностаевой мантии. Остальное показалось ей не слишком королевским. Волосы поредевшие, улыбка не то чтобы белоснежная.

Он протянул руку, как она всегда себе и представляла, но не затем, чтобы взять ее ладонь в свою или преподнести кольцо. Скорее так, будто он чего-то от нее хотел.

Золотая нить? Нет, больше у нее нет.

– Но она вмиг напрядет еще! – закричал из кухни отец. В каморке ему места не хватило.

– Это правда, девочка? – Наконец-то король заглянул ей прямо в лицо. Вот глаза у него были в точности такие, как надо. Ясно-синие, как озера. – Это ты сделала?

– Да, напряла, – просипела она в ответ: голос ей отказал.

– Хорошо, – молвил король. – Доставьте ее во дворец.

Он вынул из рукава платок и прикрыл им лицо. От избытка чувств, надеялась она. Но он при этом наморщил нос, будто в комнате смердело.

– Так на чем сойдемся? – прокричал из кухни отец.

– Помолчи, мельник! – рявкнул мажордом. – Сперва доказательства.

– А после – деньги, – донеслись до девочки слова отца.

Попрощаться с ним ей не дали.

Прискакал король на белом коне, это да. Но девочку посадили к стражнику. Другой стражник прихватил ее прялку. Она изо всех сил старалась слепить из всего этого романтическую картину. Удавалось не очень.

На что она рассчитывала? На собственные покои с великолепным видом из окна и роскошным ложем? Ведь ей не так уж много и надо. Комнатушка где-нибудь в глубине дворца, где она сможет жить, пока не объявят о помолке, – большего она, право, и не ждала.

Но это!..

Сырой подвал. Низкие своды тянутся во все стороны, конца-краю не видно. Зато слышно: когда лакей запирает дверь, скрежет замка эхом разнесся меж темными колоннами – направо и налево, туда и обратно, все дальше, дальше и дальше.

Дрожа, она ласково проводит пальцами по прялке. Хоть что-то из родного дома! Всё утешение.

Когда она поняла, зачем ее сюда привели, то испугалась.

– Напрямь еще 3-3-золота? Сейчас? Здесь? Но я не могу!

Король поднес катушку совсем близко к ее лицу. Его глаза, синие, как озера, смотрели на нее пристально.

– Это ведь твоих рук дело?

Она кивнула.

– Видишь, значит, можешь.

Она пожала плечами.

– Один раз смогла. Тогда, однажды днем.

– В чем же разница? Прялка твоя. А солома – она и есть солома. Или у тебя особенная?

Она помотала головой.

– Ну и отлично. Старайся хорошенько. Увидимся завтра утром.

– Но... – Она перевела взгляд с прялки и двух больших тюков соломы на короля, который уже наполовину отвернулся. – Почему...

И тут она вдруг поняла. Ну разумеется! Это Испытание. Он хочет проверить, насколько сильна ее любовь. Она кивнула и сказала твердо:

– Можете на меня рассчитывать, ваше величество.

Но он уже вышел за порог.

«Ну, вот Встреча и состоялась, – подумала она. – Но за Встречей всегда идет Испытание. А Предложение... Предложение он сделает завтра. Если я выполню его просьбу, если покажу, чего стою. Завтра утром».

Уже утро? В подвале еще темно, но наверняка прошло много часов. Она честно старалась. Пальцы в кровь стерла.

И все же солома так и осталась соломой.

Вокруг валяются смятые пучки, липкие скатыши и несколько обрывков соломенной нити со следами крови. Но гладкой, тонкой, шелковистой нити нет как нет.

Не говоря уже о золоте.

Ее руки кровят и кровят, и слез уже не сдержат.

Как же ей это удалось, тем самым днем? Она не помнит.

Светило солнце, она мурлыкала песенку, и нить вилась и вилась. Руки все сделали за нее. Сами по себе, она даже не заметила как.

– Ну пожалуйста, руки! Напрядите еще!

Она трясет пальцами так, что вокруг разлетаются капли крови, потом утирает нос, и теперь лицо все в крови, соплях, соломе.

Разве можно так являться на глаза королю завтра утром? От этой мысли плакать тихо уже не получается.

– Я не могу, – всхлипывает она. – Правда не могу. Я ничего не могу.

Эхо перебрасывает ее слова от колонны к колонне, в глубь темного подвала: «*Ничего... Ничего ты не можешь, ничего*».

Вдруг к эху присоединяется звук шагов, тихий, как шуршание мышиных лапок. Приближаясь, шаги становятся громче.

Кто-то идет.

– Ох-ох, слезки? Слезки посреди ночи?

Из темноты выступает маленький человечек. Седые аккуратно причесанные волосы, серый костюм в полоску, алый галстук.

– Я, знаешь ли, этого не люблю. Когда девочки плачут.

«Я не плачу!» – хочет она ответить, но это неправда, конечно. Она вытирает лицо, отчего оно делается только грязнее и мокрее.

Человечек останавливается рядом – его голова достает ей до плеча – и смотрит на нее изучающе.

– Ну у тебя и вид! Вытри нос, напудри щеки, оправь платъе. Чего реведем?

Из внутреннего кармана он достает маленький кружевной платочек и кладет ей на колено. Она сморкается – платочек слишком мал для всего, что скопилось у нее в носу. Она торопливо комкает его. Остается надеяться, человечек не попросит платок обратно.

– Ну, так что стряслось? В самом деле, о чем может плакать такая хорошенькая девочка?

Мокрым платком она машет в сторону тюков с соломой.

– Это... э-э-это не з-з-золото, – икая, отвечает она.

– Не золото, вижу. Солома. Ну и что?

– Я должна спрясть из нее... з-з-золотую нить.

– Золотую? Золото из соломы? – Человечек хихикает. –

Надо же такое придумать!

– Но я обещала!

– Кому, королю? Жоржу?

Она кивает.

– Таково его желание.

– Ох уж этот Жорж со своими желаниями! – отзывается человечек. – Вечно он чего-нибудь да хочет!

– Но я не могу! – Девочка снова заливается слезами. – Однажды смогла, но теперь не-е-ет!

«Жорж», – проносится у нее в голове. Оказывается, его зовут Жорж. Какое красивое имя!

– Ну, не можешь так не можешь. Займись чем-нибудь другим.

Человечек обходит ее кругом и дотрагивается до всего подряд: до соломы, до прялки, вскользь – до ее колена. Потом сует руку в другой внутренний карман и вынимает маленькую белую карточку.

– Что ж, позволь представиться. Штильцхен моя фамилия. Райнхардт Энгелбрехт Штильцхен. Предприниматель, коммерсант, меценат... Художник, вообще говоря. А сегодня – спаситель отчаявшихся барышень. Высуши слезы, девочка. Я тебе помогу.

– Правда? – От слез визитка превратилась в белый промокший прямоугольник. – А вы разве можете?

– Ах, дитя мое, не так уж это и трудно. Просто просовываешь руки сквозь реальность к тому, что по ту сторону, крутишь колесо, и – оп-ля! – вот тебе золото.

Он снимает пиджак и осматривается в поисках крючка. Крючка нигде нет.

– В самом деле? – дрожа, вздыхает она. Если бы только это было правдой!..

Он кивает и протягивает ей пиджак.

– Вот, перекинь через руку, да смотри не замарай! Буду рад помочь.

– Вы правда можете?

– Нет ничего проще, – отвечает он, вхолостую крутанув колесо.

– Ах... – облегченно выдыхает девочка. – А я было испугалась, что...

– Но, само собой, не задаром. Услуга за услугу. Бесплатно только птички поют.

Ее минутное облегчение тут же испаряется.

– Но что... что вы хотите? У меня ничего нет.

– Конечно есть. – Маленькие глазки оглядывают ее с ног до головы. – У каждого что-нибудь да найдется.

«О нет! – думает девочка. – Целовать его я не стану, ни за какие коврижки!»

Но человек уже тычет пальцем.

– Вот это.

Она нащупывает место, на которое он показал, между шей и сердцем.

– Нет-нет, это нельзя! Это мамин подарок. Я ей обещала

никогда его не снимать.

– Какая верность слову! – Человек одобрительно кивает. – Что ж... Тогда на этом все. Счастливо оставаться... Мой пиджак, пожалуйста. Я уже дал тебе свою визитку? Отлично. Доброй ночи.

Шаги удаляются, слова разносятся эхом среди опор. *Доб-*

рой ночи... очи... очи...

– Пойдите! – кричит она и хватается за цепочку, пытаясь ее расстегнуть.

Человечек мигом возвращается и залезает на табуретку. Она чувствует у себя на коже его ноготки, и цепочка соскальзывает с шеи.

«Прощай, мама!» – думает девочка.

Кольцо

Замок подвальной двери со скрежетом открывается, и в дверной проем падает утренний свет. Девочка поспешно прихорашивается. У прялки лежат два вороха мягко поблескивающей золотой нити. На радостях она даже не обратила внимания на то, как человечку это удалось. К тому же управился он молниеносно и сразу же исчез с девочкиным наследством в кармане.

В животе слегка ноет: король ведь хотел, чтобы его невеста сама напярла золото, а она... «Нельзя допустить, чтобы он узнал, – думает девочка. – Он. Жорж. О Жорж!»

А как он обрадовался, запустив руки в ворох нитей!

– У нее получилось, – пробормотал он. – Надо же, получилось!

Жорж выглядит так прекрасно и свежо, а она после бессонной ночи, конечно, страшилище. И все же он подходит к ней и пальцем приподнимает ее подбородок.

Сейчас начнется, понимает она. Сейчас начнется часть вторая – Предложение. Его синие глаза смотрят прямо на нее, и она больше не чувствует боли в руках.

– Значит, ты и правда это умеешь, – мягко говорит он. – Если честно, я сомневался. Умница!

– Ох, – заливаясь румянцем, выдыхает она. А что улыбка у него не белоснежная и на лбу залысины – да это вовсе

неважно. Она так счастлива!

Король прокашливается.

– Вообще-то, я хотел тебя кое о чем спросить. Ты согласна...

Она уже закивала. Конечно, согласна.

– Правда? – обрадованно спрашивает он.

– Конечно...

«...Жорж», – мысленно договаривает она. Но произнести его имя вслух пока не решается. Ничего, научится еще.

– Превосходно! Тогда я велю к вечеру принести тюков пять или шесть, хорошо? Это ведь тебе по силам?

– А? – не понимает она. – Чего?

– Что, не выйдет?

– Еще одну ночь?

– Ну да! – Он кивает.

Она мотает головой.

– Нет-нет!

– Нет? Но ты только что согласилась! Надо быть последовательной, девочка.

– Н-н-но я... я думала...

– Что ты думала?

– Я думала... – Она умолкает. Что она опять себе нафантазировала? – Я не смогу еще раз!

– Ох! – вздыхает король. – А если я очень-очень этого хочу? Ты ведь постарайся для меня, милая?

Милая. Это помогает. Он берет ее за руку и слегка сжи-

мает ей пальцы.

– Ай! – вскрикивает она: у него кольца, а ее пальцы еще болят. Но боль притупляется, когда он целует их один за другим. А потом – когда его ласковая улыбка оказывается совсем близко к ее лицу – почти проходит. Она кивает, и его улыбка становится еще ласковей.

– Ну хорошо, – выговаривает она наконец. – Обещаю, ваше величество.

– Можешь звать меня Жоржем, – разрешает Жорж.

Он снимает одно из колец и надевает его ей на палец. На кольце поблескивает большой камень. «Все-таки Часть Вторая», – мысленно радуется она.

Но он уже отпустил ее руку. И смотрит на золото.

Вторая ночь кажется еще темнее первой. И длится дольше. Аккуратно перевязанные руки вновь начинают кровить, и ее вновь охватывает отчаяние. Знать бы, как ему это удалось, тому человечку! Но она не знает. И как его позвать – тоже. И хочет ли она этого. Ее шея еще помнит его прикосновение. Она трясет головой.

– Сама справлюсь. Сегодня ночью – сама. – Она сжимает зубы.

Но что может девочка? Девочка с дрожащими, стертymi в кровь пальцами и шестью огромными, молча ожидающими ее тюками соломы? Немногое может. Во всяком случае, напрясть золота ей не по силам. Ни ниточки, ни клочка.

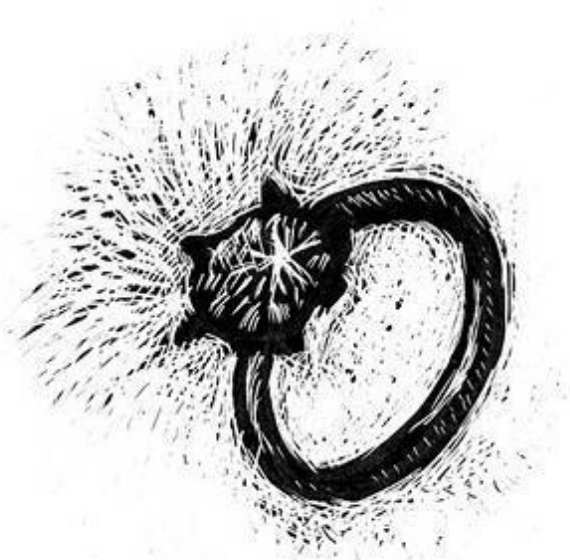
Но звать человечка она не станет. Ни за что!

– Эй-эй! Кто меня звал? Чей это голос?

Стук шагов в темноте приближается.

«Никто», – хочет она ответить. Но молчит. Ее кровоточащие руки бессильно лежат на коленях.

– Ну привет! – говорит человечек. – Вижу, всё те же на манеже!

Она вежливо растягивает губы в полуулыбке. В глубине души она рада, что ей, наверное, можно будет остановиться, теперь за дело примется он. Еще один разочек. Еще шесть тюков. Ради Жоржа.

– Что ж, вот он я, тучочки. Ну-ка, подвинься. Вот мой пиджак. Чем сегодня будем платить?

Она торопливо прячет за спину руку с кольцом.

– А, вон оно! Вижу, вижу! – Он выхватывает ее руку и подносит к глазам. – Красота, ничего не скажешь. Двадцать карат? Да, Жорж знает, чем завоевывать сердца. Давай, снимай.

– Но...

– Или не снимай. Дело твое.

Куда ей деваться?

– Ну ты и растеряха! – корит ее утром Жорж. – Тут же потерять обручальное кольцо – вот как, оказывается, ты ценишь мою любовь!

Она не рассказала ему, куда подевалось кольцо, умолчала и о человечке, и о сделке. Жорж так обрадовался новому золоту, что у нее не хватило духу его разочаровать.

– А я-то задумал такую роскошную свадьбу! Белые лошади, белая карета, фуршет на тысячу гостей...

– Правда?

– А как же! Но все это, разумеется, обойдется недешево.

Я бы и рад сказать: довольно. Но не могу. Поверь, я искренне хочу на тебе жениться. Но сама понимаешь: только если ты...

– Нет!

– Еще один разочек!

– Нет-нет!

– Ради меня, милая. Да что там, ради нас! Ради нашего счастья. Оно в твоих руках, совсем близко. Ты ведь тоже хочешь выйти за меня замуж, жить долго и счастливо, и тому подобное?

Да, хочет. Но она совсем-совсем-совсем не хочет провести еще одну ночь в темноте с тем человечком.

Двадцать тюков – этого хватит навсегда. Жорж поклялся могилой матери. Она ведь верит своему суженому, не правда ли?

Она закивала: конечно. Но заглянула ему в глаза – и засомневалась. А хватит ли?

Он подарил ей новое кольцо. К счастью, поскромнее – не жалко будет снова его лишиться. Но следующей ночью в подполье, когда она протянула кольцо человечку, тот разразился смехом.

– Так мы не договаривались, девочка. Дешевая подделка мне не нужна, благодарю покорно.

– Но что тогда?..

– О, я что-нибудь придумаю. Поразмышляю за работой, хорошо? Потом дам ответ.

Он уже уселся, она уже перекинула через руку его пиджак.

– Но ведь тогда...

– Тогда тебе придется согласиться, это ты понимаешь.

Его ручонки стремительно обрабатывают один тюк за другим, а из прически не выбивается ни волоска, на рубашке не появляется ни единой складки. Он жмет ножкой на педаль, и колесо вертится так быстро, так быстро...

– Мне хочется... Мне хочется... Чего бы такого захотеть? – напевает он себе под нос. – Хм... это? Или нет, то? Хм... того... или нет, этого? Что бы такое выбрать, какой подарочек?..

Она сидит и смотрит, ежась от холода. Чем ей придется расплачиваться? Своей шикарной свадьбой, вуалью, бриллиантовой диадемой, которую ей пообещал Жорж?

– Ага! – вскрикивает человечек, управившись с половиной тюков. – Знаю! Конечно! Я выбираю... твоего ребенка.

– Моего... чего?

– Твоего младенца. Твоего первенца.

Она удивленно смеется.

– Нет у меня никакого младенца!

– Знаю. И, может, никогда не будет, тут уж я бессилен. Но если младенец появится... он мой.

Ой, ну и что с того, думает девочка. Когда еще это случится! Если вообще случится. Такое трудно себе представить. Ее грезы всегда заканчиваются смутно: за роскошной свадьбой следует «долго и счастливо». За свадьбой – которая

теперь состоится. Какое облегчение!

Ну а если этот ребенок когда-нибудь и появится, думает она, я просто не стану слишком сильно его любить. Ничего сложного. И до этого еще дожить надо.

Ночь пролетает незаметно, и последующие восхитительные дни и недели тоже.

Ребенок

И как она теперь? Счастлива?

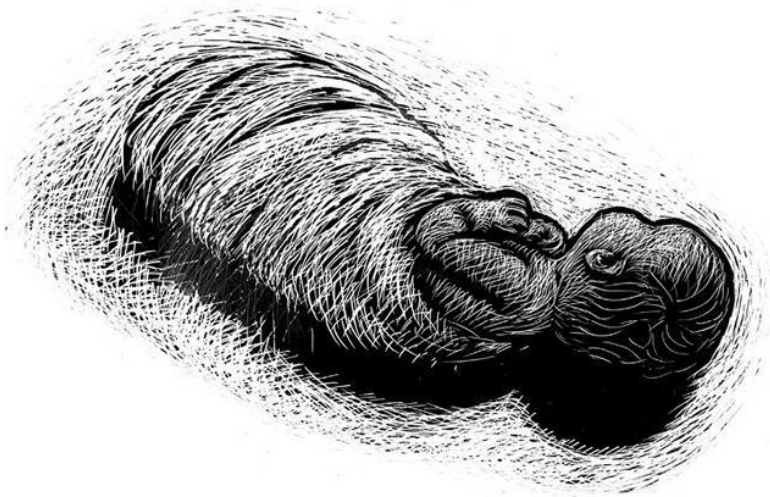
Вполне. Но длится счастье недолго. Не успела она оглянуться, как забеременела. Не успела опомниться, как округлилась и потяжелела.

Король ждет не дождется появления сына и наследника.

– Хотя дети... они, знаешь ли, стоят недешево, – говорит он. – Ты бы садилась за прялку время от времени, а, милая?

– Ты ведь обещал, что двадцати тюков хватит, – напоминает она. – Навсегда.

– Да-да, конечно. Но ты все же попробуй, по чуть-чуть, каждый день, – бормочет Жорж. – На всякий случай.

Ребенок у нее в животе растет, а с ним растет и тайна. Она омрачает все, даже ее счастье – больше, чем девочка ожидала.

Отец то и дело навевается во дворец. Он доволен и горд: ведь его дочерью все так довольны, так горды. Но она не улыбается. И никому не рассказывает почему.

– И не пытайся понять, – советует королю тесть. – Женская душа – потемки.

Рождается ребенок, девочка.

Жорж слегка разочарован, но быстро приходит в себя. Ведь всегда можно попробовать еще раз. И тут же призывает кормилицу: он-то никогда ничего не делал сам, а потому и мысли не допускает, что мать захочет сама кормить своего ребенка. Кормилицу зовут Элин.

– Так ты сможешь сосредоточиться на других вещах, милая, – говорит он жене. – Может, наведаешься в подвал? Попробуешь еще разочек?

Она кивает, но в подвал не идет, а сидит целыми днями наверху и смотрит на дочь, на ее глазки, носик, нежно-золотистые кудри.

«Больше мне ничего не нужно, – думает она. – Никогда». Потому что «не слишком сильно любить» не очень-то получается. Ей все время хочется быть рядом с малышкой, всегда держать ее на руках.

О тайне она никому не говорит. Но каждый день чувствует приближение неизбежного. Хотя и надеется, что все обойдется, что, быть может, ей все это привиделось. Или что она как-нибудь наберется смелости и расскажет Жоржу. А тот вступится за нее: «Мою дочь? Отдать такому уродцу? Да ни за что!» И отправит человечка в ссылку, или прикажет обезглавить, или разорвать надвое.

Надо бы рассказать. Каждый день она собирается это сделать.

Но молчит.

Сидит у кровати и смотрит на дочку, потом на дверь. И

опять на дочку.

Вот малышка уже поднимает головку, вот пробует что-нибудь ухватить, вот уже улыбается матери, которая не смеет улыбнуться в ответ.

И тут дверь распахивается.

– Чего испугалась? – спрашивает человек. – Знала ведь, что приду. А слово я держу, девочка.

Человек протягивает руки. Он даже розовую дорожную люльку прихватил.

– Ну же, давай ее сюда.

– Ни за что! Ни за что и никогда! – кричит она, хватая малышку и прижимает ее к себе. – Элин, зови стражу! Принцессу хотят похитить!

– Похитить? – фыркает человек. – Обо всем договорено, как полагается. Сиди, Элин.

– Ты ее не получишь! Не видать тебе моего ребенка!

– Да не кипятись ты! Можно подумать, я ее съем!

– Съешь?! – Она прижимает девочку к себе еще крепче.

– Нет конечно, я ведь не варвар! – возмущается человек. – Мне всего лишь нужна... компания, я пожилой человек, одинокий. Вот и все, честно. Я прекрасно ее воспитаю. Уже записал в весьма престижную школу... Да тут и спорить не о чем, девочка.

Она все мотает головой.

– Нет, нет, прошу... – Она раздражается слезами. Младе-

нец тоже. И, толком не понимая почему, принимается всхли-
пывать и Элин.

– Здравствуйте пожалуйста! – восклицает человечек. – Я
и не ожидал, что ты такие слюни разведешь. Ну же, возьми
себя в руки.

– Прошу вас, не забирайте ее, прошу вас, господин, э-э-
э...

Человечек каменеет.

– Прошу, господин... какой? Ты ведь знаешь, как меня
зовут, не так ли, девочка?

– Э-э-э...

– Я тебе и визитку вручил. Ты ведь ее прочитала? – Из
маленьких глазок брызжет холодное пламя. – И не запомни-
ла! А ведь я столько для тебя сделал!

Она ищет в путанице своих мыслей имя и не находит.

Человечек делает несколько шагов по направлению к две-
ри. Потом оборачивается.

– Вот что я тебе скажу, девочка: даю тебе время. Завтра
в пять часов пополудни я вернусь и заберу малышку. Если
только ты не... не окажешь мне любезность и не вспомнишь
мое имя. Полное имя. Тогда ребенок останется у тебя. По-
моему, чрезвычайно щедрое предложение.

Дверь захлопывается.

– Кто это был? – пугается Элин.

– Хотела бы я знать... – тихо шепчет девочка, зарывшись
в волосы дочери.

– Моего ребенка? Ты пообещала отдать моего ребенка? Да как тебе такое в голову взбрело?

С дочкой на руках она стоит в тронном зале, Жорж сидит на троне, на часах уже почти пять. Целый день она изо всех сил пыталась вспомнить имя человечка. А когда это не удалось, найти старое платье, в кармане которого должна была остаться визитка. Они с Элин перерыли все шкафы во дворце. Но платья не нашли.

А теперь она во всем призналась.

– Я жутко на тебя зол, – говорит король. – И очень разочарован. Выходит, ты не сама пряла! Если б я только знал... – Он смотрит на нее, но не договаривает. – Ну да ладно, я, конечно, прикажу казнить этого человека. Не волнуйся, куколка. Кто посягает на моего ребенка, посягает на меня.

Она слегка выдыхает и качает малышку. «Тише, тише, – думает она. – Отец тебя спасет».

– Похитить ребенка, ради всего святого! – Король трясет головой. – Кому только в голову мог прийти такой отвратительный...

– Здравствуй, Жорж.

Двери открываются, и пол тронного зала перерезает длинная тень.

– О!.. – слабо восклицает король и сглатывает. – Это вы!

Человечек невозмутимо семенит по мраморному полу. Подойдя к трону, он подмигивает девочке.

– Мы с твоим муженьком старинные знакомцы, разве я не рассказывал? Нет? И Жорж не рассказывал? Кстати, он задолжал мне кучу денег. И вот сегодня я подумал: а не пора ли вернуть долг?

Она видит, как муж вжимается в трон и загнанно смотрит на нее.

– Деньги кончились, – шепчет он. – Милая, у тебя внизу, в подвале, ничего не завалялось?

– Видишь, девочка, я везде поспел, – говорит человек. – За это стоит выпить. И выкурить хорошую сигару. А потом дело за вами, дети мои: либо вы отдаете мне долг, либо называете мое имя. И назвать его должен не ты, Жорж, это не в счет. А нет – так я отправляюсь восвояси с вашей милейшей дочуркой. Выбор за вами.

Мажордом Пьер уже несет поднос с рюмками и пепельницами. Выпив, король вновь обретает свой привычный румянец.

– И как ты могла такое забыть! – распекает он жену. – Ох уж эти женщины... важные вещи в их умишко не помещаются.

Что ж, за это можно и выпить.

К счастью, в этот самый миг распахиваются двери и в зал вбегает раскрасневшаяся Элин с перепачканным платьем в руках. Она нашла его под кучей грязного белья, в самом низу, в самом дальнем углу прачечной. В кармане – белый бу-

мажный комочек.

Девочка разворачивает его и читает. Ах да! Вспомнила.

Пьер наливает королю Жоржу и господину Штильцхену еще по рюмочке. Мужчины пьют и наблюдают за ней. Она стоит с ребенком на руках. Пока что молча.

Тронный зал наполняется синим дымом. Стрелка часов медленно подползает к пяти.

– Что ж, говори, – велит король. – Это всего лишь формальность, милая. Покончим с ней.

Она набирает побольше воздуха и спрашивает:

– А как зовут меня?

Повисает пауза.

– Сейчас речь о другом, девочка, не об этом я спрашиваю, – наконец произносит господин Штильцхен.

– А я – об этом, – отзывается она. – И я жду ответа. Как меня зовут?

– Можно подумать, ты вправе здесь задавать вопросы!

– Как меня зовут?

– Но, дорогая... – вмешивается король. – Милая, вопрос не в этом. Вопрос в том...

– Как меня зовут? Не знаешь?

– Конечно знаю!

– Да? И как же?

– Просто... сейчас вылетело из головы. Я, э-э-э...

– Жорж, ты что, не помнишь, как зовут твою собственную

жену? – хихикает господин Штильцхен.

– Ну знаете ли! – взрывается король. – Я ведь не всегда зову ее по имени! Я обычно говорю... э-э-э... милая или... э-э-э... Впрочем, ее отец в курсе, может, спросить у него? Пьер?

– В свидетельстве о браке тоже должно значиться имя, – услужливо подсказывает мажордом.

Пока мужчины напряженно совещаются, а лакеи бросаются искать свидетельства о браке и рождении, девочка нежно закутывает дочку в одеяльце. Потом берет сумку для подгузников, надевает удобную обувь, чмокает Элин в щеку и выходит из дворца.

За оградой начинается лес. Вдали простираются пашни, по небу плывут барашковые облака. Солнце согревает лицо, день выдался мягкий.

Такой мягкий, что кажется, будто он заключает ее в объятия.

Такой мягкий, что можно легко просунуть сквозь него руки и дотронуться до того, что по ту сторону.

Волк

I

Девочка за обеденным столом учит историю. «Темные века» – так называется глава. Рядом картинка, на ней грубыми жирными линиями выведена фигура в черном капюшоне. Палач размахивает молотом, который вот-вот обрушится на человека, привязанного к большому колесу. Позади на двух виселицах болтаются повешенные.

«Представь себе, – гласит подпись: – что ты средневековый преступник и лежишь без сна и весь в поту в ожидании ужасной кары...»

В учебнике истории много таких фраз:

«Вообрази, что ты охотишься на мамонта в степи, и из оружия у тебя – лишь деревянное копье...»

«Только подумай, как страшно было нашим первооткрывателям в этом новом, незнакомом мире...»

– Прекрасно! Таким образом история оживает у вас в головах, – любит повторять учитель.

Девочка рассматривает рисунок так долго и внимательно, что даже с закрытыми глазами может вызвать в памяти каждую деталь.

«Вот он, последний час», – думает она.

– Да пропади ты пропадом! Будешь работать или нет?! – На углу стола мама дубасит по клавиатуре. – Доставить про-

дукты бабушке – неужели это так сложно?

– Бабушке? – Девочка отрывает глаза от учебника. – Почему вдруг?

– Я ей обещала, – объясняет мама. – Опять она заболела, когда у меня ни минуты свободного времени.

– Я могу отнести, – предлагает девочка.

Но мама не слушает. Она разговаривает с экраном.

– «Доставим в тот же день», ага! Не можете – не обещайте! – Она принимается стучать по клавишам, обновлять страницы. – Ну да, конечно, система перегружена. Знаешь, кто здесь на самом деле перегружен?

Девочка снова поднимает глаза, проверяя, ждет ли мама ответа, – нет, не ждет.

– А мне как раз некогда! Сегодня – некогда. – Мама со вздохом подносит к губам пустую чашку. – Но почему, собственно? Почему у меня даже нет времени навестить родную мать, когда это необходимо?

Скорее всего, она и сейчас не ждет ответа. Мамино место за столом – как постепенно сжимающаяся клетка. Она держит под рукой все, что ей может понадобиться: чашки, все нужные бумаги, пачку жвачки, чтобы бросить курить, низкокалорийные крекеры, чтобы не набрать вес, телефон, ноутбук, зарядные устройства.

Девочка снова утыкается в книгу. Там палач все так же замахивается молотом. Вот-вот раздробит привязанному ко-

сти, в первую очередь – в руках и ногах, чтобы подольше помучить. Зеваки будут встречать каждый замах радостными воплями. И только когда дробить станет нечего, палач нанесет смертельный удар. Девочка снова закрывает глаза. История оживает у нее в голове.

«Бей! – кричит публика. – Бей! Круши! Крооо-ви! Крооо-ви!»

«Но этого не произойдет», – думает она. Палач на картинке будет вечно замахиваться молотом, а привязанный к колесу человек вечно ждать удара. И бояться. Может, даже визжать от ужаса. Но не дождется. Уже тысячу лет он лежит, застыв во времени, и смотрит на молот, который все не падает.

И этого не случится. Никогда.

Может, такая кара еще ужасней.

– Да делай же, что тебе говорят, железяка тупая!

Мама нехорошо ругается и тут же просит прощения. Она всегда извиняется, когда нарушает собственные запреты, словно извинение отменяет поступок. Можно подумать, девочка давным-давно не знает все ругательства, даже самые ужасные. Можно подумать, она не замечает, когда мама порой курит тайком и наливает себе лишний бокал вина. Можно подумать, девочку это волнует!

Она смотрит в окно. Прошел дождь, на сером небе проступили синие прогалины. Если сказать, что она хочет подышать свежим воздухом, мама, пожалуй, разрешит. Детям полезен свежий воздух.

- Давай я схожу, – предлагает она, и на этот раз мама поднимает на нее глаза.
- Сходишь? Куда?
- К бабушке. Отнесу продукты.
- Ну нет, – не соглашается мама. – С ума сошла? Это слишком далеко.

II

Он легко может пробежать целый круг без остановок и без одышки. Хорошо. Значит, не в такой уж он плохой форме.

Но это может означать и то, что лес стал еще меньше. И, честно говоря, так оно, скорее всего, и есть. Хотя об этом они не договаривались. Он не все помнит, но такое ведь не забудешь? Разве шла об этом речь в разговоре с лесником?

Кажется, лесник был здесь совсем недавно. А может, и давно.

Месяцы назад. Годы.

Если каждый день бегать по одному и тому же кругу, недолго и умом тронуться. Начинаешь видеть то, чего нет. Мелькающую среди деревьев добычу. Убегающих оленей, хихикающих зайцев. Ах, зайчики...

«Поймай же меня!» – тихо поют они. – Эй, разиня, я здесь, за деревьями! Нет, тут. Нет, там. Нет, здесь, ротозей!»

И он уже бежит, задыхаясь, оскальзываясь, кружит на месте, разевает пасть и хватает... пустоту.

Потому что нет здесь никаких зайцев.

Так вот, лесник. Он даже ружье с плеча не снял. Дубинка так и осталась висеть на поясе. Неужели трудно погрозить ей, хоть чуточку? *«Назад, зверюга! Назад! А не то мозги вышибу!»* – что-нибудь в этом роде. Хотя бы просто из вежливости.

Надо было его сожрать прямо на месте, вот что. Подождать, опустив морду, покорно уткнувшись взглядом в землю, как ручной, как холоп. Но при этом внимательно следить за всем, за каждым движением, за каждым шагом. Навострить уши. Напрячь мышцы мощных лап в ожидании подходящего момента...

А ведь был, был подходящий момент. Он помнит, когда именно: когда этот тип случайно перелистнул сразу два листочка того проклятого контракта. И вынужден был перелистнуть обратно. И на миг забыл о стоящем перед ним хищнике. Вот когда.

Прыжок, лапы ему на грудь, клыки в шею. Кусать, рвать, терзать. И вот добыча уже при смерти, лежит, истекая кровью, так и не смекнув, что произошло. А ты давай жрать да прихлопывать. На ненавистных бумажках – кровавые отпечатки лап. И так до тех пор, пока от лесника не останется ничего, кроме остывающего мяса в разорванных камуфляжных штанах, пока земля не покроется красными ошметками плоти.

Никакого контракта. Никакого уговора. Никаких правил. Ничего.

– Вы не можете не согласиться, – сказал лесник.

Ну хоть на «вы», и на том спасибо.

– Вы будете полностью обеспечены. Единственное, что мы от вас просим, – это не пересекать утвержденную границу. Забор послужит чем-то вроде напоминания. Теоретически вы можете сквозь него пробраться, но на вашем месте я бы не стал. Особенно с передатчиком на шее.

С чем-чем? Где?

Только тогда он будто очнулся по-настоящему, только тогда заметил, что с ним что-то сделали. Надели что-то на шею. Он тряс головой, скреб лапами, пытался сорвать эту штуковину, но ничего не вышло. А когда он принялся носиться туда-сюда в надежде сбросить ошейник, у уха что-то запищало.

Чем ближе он подбегал к забору, тем громче пищало, верещало, ревело; сердце бешено колотилось, он прижал уши, но это не помогало, ничто не могло заглушить звуки, наполнившие голову. Писк прекратился, только когда он отбежал подальше, еще дальше, еще, пока, побежденный и обессиленный, со свистящей башкой не свалился у ног лесника, который все это время просто стоял и ждал. Ружье так и висело у него на плече. К дубинке он и пальцем не притронулся.

– Вот я о чем, – сказал этот гад. – Что до сигнала – мы его тоже слышим. Если он будет звучать слишком долго, мо-

жете не сомневаться: мы срочно прибудем, чтобы сопроводить вас обратно к утвержденной границе. Полагаю, к насилию прибегать не придется. Мы действительно очень рады тому, что вы поселились в нашем лесу. Островок настоящей дикой природы – нам бы очень хотелось его сохранить. Ведь мы уже столько потеряли, вы не находите?

В его карих глазах светилась искренность. Как будто волк и лесник были согласны друг с другом, желали одного и того же.

Тогда, в тот самый миг, надо было его разорвать. Ай как жаль, что он этого не сделал!

Потому что потом рвать стало нечего. То, чем его каждый день кормят, в одно и то же время, в условленном месте, давно умерло. Так давно, что никакого удовольствия. Поначалу он еще тряс «добычу», катался с ней по опавшей листве, подвывая и пуская слюну, будто пытался ее одолеть. Но потом перестал. Поест немного, а бо`льшую часть не тронет.

Не то чтобы он не чувствовал голода. Он отчаянно, беспрестанно голоден. Но есть эту пададь?

– Распишитесь здесь. Отпечаток лапы тоже подойдет, – с улыбкой сказал лесник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.